

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ

Э. М. СПИРОВА

Знак или символ?

Мы живем сегодня в пространстве символов. Оно всегда многозначно, таинственно. Чтобы раскрыть его содержание, нужны интеллектуальные усилия. Это может быть реализовано с помощью истолкования или через живание, интуитивное прозрение. Однако неоспоримо, чтобы мы оказались в виртуальном мире, который нередко заслоняет нам мир реальный. Французский философ П. Вирилио отмечает, что географические пространства и расстояния, которые еще вчера обуславливали политику отдельных наций, исчезают и обесцениваются в мире ускорения и мгновенных взаимодействий. Континенты утрачивают географические очертания и дают проявиться телеконтиненту всемирной практически мгновенной коммуникации. Метагеография в трансполитике, представленная информационной интерактивностью, приходит на смену геофизике, имевшей важное значение в политике обществ, разделенных скорее задержками сообщения и расстояниями, чем национальными границами¹.

Мы оказались в заложниках гипертекста, который открывает нам половодье символов. Как может образование реагировать на этот вызов? Есть тенденция по-прежнему выстраивать обучение с помощью понятий, оперируя строгой логикой, обращаясь к абстракт-

ному мышлению. Но люди, которых мы обучаем, живут в иной семиотической реальности. Поэтому

важно понять, как можно перестроить образование с учетом символической природы коммуникации? Таков один из исследовательских проектов Лаборатории личностного роста, который реализуется на культурологическом факультете Московского гуманитарного университета.

Понятие «символ», к сожалению, не является центральным ни в языковой теории, ни в психологии. Символизация толкуется как значимое свойство языка, однако она не связывается с сущностным постижением языка. Можно догадываться, что такое отношение лингвистики к символу восходит к концепции швейцарского языковеда Ф. де Соссюра. Он впервые предложил рассматривать язык как систему (структуру), разграничил лингвистику языка и лингвистику речи, синхронию и диахронию. Он раскрыл природу языкового знака, считая лингвистику частью семиологии. Под языковым знаком стала пониматься любая единица языка (морфема, слово, словосочетание, предложение), которая служит либо для обозначения предметов или явлений действительности и их отношений, либо для обозначения отношений между элементами языка в тексте.

Соссюр подчеркнул, что собственно языковым среди всех феноменов языковой знаковойности должен считаться принцип искусственной, т. е. в-себе условной и произвольной, связи означающего и означаемого. Что касается символа, то поскольку «в нем есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым»², его не следует использовать, так как он не является строгой категорией, позволяющей интерпретировать сущностное начало языка. Такой подход способствовал своеобразной девальвации символа, по крайней мере, его дискредитацию как понятия, относящегося к языку.

Такая оценка символа не совпадает с развернутой характеристикой языка как достояния «символического» у человека, данной Э. Кассирером. Он отмечал, что язык и миф родственны друг другу. На ранних стадиях человеческой культуры их отношения столь тесны и взаимосвязь столь очевидна, что невозможно отделить одно от другого. Это два разных побега от одного корня. Коль скоро существует человек, он обязательно обладает способностью к речи и испытывает воздействие мифотворческой функции. Для философской антропологии заманчиво поэтому свести обе эти специфические человеческие способности воедино. Такие попытки, как подчеркивает Э. Кассирер, часто предпринимались³.

Но миф, как известно, обладает репрезентативным символизмом. Хотя существуют различные подходы в анализе особенностей мифического языка и речи, миф и символ не разделены. Язык и речь в полной мере служили примитивным племенам (Э. Б. Тайлор); в основе мифа лежит единство, но не тождественность мысли и слова, языка, речи (М. Мюллер); слово, объективно существующее, понимаемое другими, предшествует мифу, является основой для создания общих понятий, неизменным центром изменчивых стихий, отражением сущности вещей (А. А. Потебня).

Понимание специфики мифического мышления неотделимо от вопроса о соотношении действительности и мысли, логики и слова,

языка, речи. Проблему связи мифического мышления и языка ставит Л. Витгенштейн. Он рассматривает язык не только как отражение фактов, но и специфическую «языковую игру», в которой описывают, называют, сообщают, просят, показывают и т. д. Однако высшая истина «говорит» о себе в молчании как форме знания, не поддающегося логическому словесному выражению.

Язык не только средство общения, но и духовная сила. «Язык так или иначе не сводится к подбору знаков для вещей. Он начинается с выбора говорить или не говорить. Выбор между молчанием и знаком раньше, чем выбор между знаком и знаком. Слово может быть менее говорящим, чем молчание, и нуждается в обеспечении этим последним. Молчание — необходимый фон слова. Человеческой речи в отличие от голосов животных могло не быть. Птица не может не петь в мае. Человек мог и не заговорить. Текст соткан из слова на основе молчания»⁴.

Многие эпохи не слышат молчания, но именно оно с наибольшей основательностью показывает, что речь символична. Символ можно рассматривать как обобщение, идеальную конструкцию вещи, в отличие от абстрактного понятия обладающую образной структурой, неразвернутым знаком. Символ создает перспективу для бесконечного развертывания вещи в мысли.

Проблематика мифа анализируется во многих трудах Э. Кассирера: «Философия символических форм», «Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры», «Понятийная форма в мифическом мышлении. Исследование библиотеки Варбурга», «Техника политических мифов». Он раскрывает глубокое понимание мифа как важнейшей символической формы человеческой деятельности с ее особой спецификой. Существенное влияние на становление взглядов Э. Кассирера оказал В. Гумбольдт. Как известно, с его точки зрения язык есть основное направление работы духа, высшее проявление душевно-духовного действия, в котором человеку впервые открывается новая сторона действительности, подлин-

ность вещей. Он отмечал, что превыше всего энергия духа, и язык жив, пока причастен ей, а без нее мертвеет. Только привыкнув к ней, можно прикоснуться к истине языка. Прежде всего, язык — «та духовная сила, которая в своем существе не позволяет вполне проникнуть в себя»⁵.

Главная функция символов у Кассирера является формативной, конструктивной функцией структурирования опыта. Чтобы подчеркнуть эту функцию, Э. Кассирер предпочитает называть символы «символическими формами», а свою философию — «философией символических форм». По Кассиреру, функция «заключает в себе самостоятельную энергию духа, посредством которой простому наличному бытию придается определенное «значение», своеобразное идеальное созерцание»⁶. Это правомерно не только в познании, но и в искусстве, мифологии, религии. Образные миры последних суть порождения специфических функциональных актов. И если их символические оформления не однородны с интеллектуальными символами, то они равноценны по своему происхождению.

Кассирер считал, что основной принцип критического мышления — принцип «примата» функции над предметом принимает в каждой особой области новую форму и нуждается в самостоятельном обосновании. При этом содержание понятия культуры неотделимо от основных форм и направлений духовного производства: здесь «бытие» постигается только в «деянии». При всем их внутреннем различии все продукты культуры являются только звеньями одной великой цепи проблем — преобразить пассивный мир простых впечатлений в мир чисто духовного выражения.

Символы с самого начала выступают с определенной претензией на объективность и ценностность. Но при этом содержание, явленное нам в символе, выступает совершенно видоизмененным. Это связано с тем, что знаку присуще идеальное значение, которое как таковое застывает в нем. Он представитель совокупности возможных

содержаний, которые благодаря символической функции сознания организуются в замкнутое и устойчивое единство формы.

Кассирер считает, что если вся культура выражается в творении символических форм, «определенных идеальных образных миров», то цель философии — понять и осознать их формообразующий принцип. Поэтому отрицание символических форм ведет, по мнению Кассирера, к разрушению формы духа. Прояснение природы символа, с точки зрения Кассирера, является главной целью научного познания, которое достижимо в будущем.

Одной из особенностей культурологической концепции Кассирера является тот факт, что проблема человека решается у него параллельно с проблемой символа, мифа, языка и других символических форм. Концепция Кассирера объединяет основные положения культурной антропологии, философии культуры, философии языка, философии мифа и философии познания, которые переплетаются между собой. Сущность человека исчерпывается кругом его деяний. Он раскрывает себя, конструируя, в языке, мифе, религии, искусстве, науке. Поэтому подлинной философией человека может быть только философия, раскрывающая структуру каждой из этих форм и мыслящая их в ракурсе органической целокупности.

Ф. де Соссюр отмечал абстрактную знаковую сущность как сущностную основу языка. Это стремление не вызывает сомнений. Однако устранение символа как важного средства постижения языка рождает опасение. Нужна ли онтологическая изоляция знака от символа? На этом пути важнейшая часть общего онтологического контекста языка оказывается утраченной. Да, собственно, и сама языковая реальность исследуется в этом случае не полностью.

Несмотря на огромное число работ, посвященных символу, это понятие не получило в отечественной литературе глубокого философского, эстетического и семиотического обоснования. Поэтому многие фундаментальные науки пытаются отгородиться от

этого понятия. Им кажется опасным связывать символ с тем объектом, который подлежит интерпретации. Складывается парадоксальная картина. С одной стороны, возникает культ символа, его преувеличенная оценка в познании и культуре. Но, с другой стороны, его онтологический статус принижается.

В отечественной литературе переоценка символа началась, по-видимому, с работы К. А. Свасьяна «Проблема символа в современной философии», где он отмечал, что термин «символ» скомпрометирован плехановской теорией иероглифов, ниспровергнутой В. И. Лениным, после чего к «символу» во многих кругах установилось небрежное, а лучше сказать, прямо отрицательное отношение⁷.

Последовавшее за работой К. А. Свасьяна «реабилитация» символа вызвала возрождение этого понятия. Но вместе с тем появилась и угроза своеобразного пан-символизма, что нередко порождало и прямую мистификацию объекта. Ведь символ по самому своему определению не играет самостоятельной онтологической роли. Но в то же время он, условно говоря, *равен сущности*, поскольку оказывается важным условием ее смыслового развития, ее бытия. Однако тщательная диагностика знаков в лингвистике, завещанная Соссюром, привела к недооценке символа, к принижению его роли в познании. Сложилась прямолинейная рационализация символа. Он стал толковаться в качестве некоей особенной стороны или формы бытия той сущности, которая уже закрепилась в науке. Скажем, в семиотике Ч. Пирса символ превращается в одну из разновидностей знака. Р. Якобсон прямо указывает на «опасность досадных двусмысленностей», которые неизбежно возникают при такой интерпретации символа⁸.

Встречаясь в потоке жизни, знак и символ раскрывают, обозначают друг друга. Символ в опыте бытия раскрывает свою знаковую сущность, а знак в своем бытии — присущую ему символическую функцию. Когда говорят о близости, сходстве символа и знака, следует помнить, что они должны

различаться, их слияние недопустимо. Но если толкуют о нетождественности знака и символа, то важно избежать их изоляции. Недопустимо видеть лишь знаковую реальность языка и не принимать в расчет при этом его символическую реальность.

В философской трактовке символическое выступает в роли чистого *несущего*, чистого иного. В самом деле, символическая картина мира сегодня оказывается не соответствующей реальности. Люди все более утрачивают способность пользоваться данными им природой органами восприятия. Виртуальный мир — это удвоение реальности. Но можно ли сегодня понять мир реальный, игнорируя мир виртуальный, который несет в себе функцию инобытия. Символ выражает несобственный, неподлинный момент бытия объекта. Но именно через отношение к инобытию можно раскрыть фактическую феноменологию бытия объекта.

Соссюр считал, что символ не является сущностью языка. Сущность языка обнаруживается в знаке, поскольку символ выражает не-сущее. Но на этом основании он не может быть элиминирован. Знак и символ не могут быть друг без друга. К сожалению, наука до сих пор игнорирует символическую реальность языка, что во многом ограничивает подходы к ее изучению. Отчасти, видимо, это связано с опасением, что подлинная — знаковая — сущность языка может в этом случае оказаться размытой. Однако, как полагает Н. В. Иванов, лингвистике не следует опасаться дальнейшего расширения оснований ее онтологии. Обращение к символической реальности языка (в материальном и функциональном аспектах) представляется не только актуальным, но и насущно необходимым в современной науке. Символическая реальность языка в ее лингвистическом рассмотрении может послужить основой выработки новых подходов к исследованию функциональной стороны языка и, прежде всего, основой действительно всестороннего, комплексного понимания языкового стиля как части системной онтологии языка⁹.

Однако практические вопросы символизма связаны, разумеется, не только с проблемами лингвистики. В процессе обучения и образования чрезвычайно важными оказываются и идеи культурсемиотики в целом. Они уходят корнями в такие области новоевропейской мысли как утопический идеал новой, универсальной поэзии и культуры, эстетически преобразующей мир (Ф. Шлегель), идею игры как творчества высшего порядка, превращающего общество в «эстетическое» (Ф. Шиллер); семиотику (Ч. Пирс и Ч. Моррис) концепцию культуры как ценностей и символических форм (Э. Кассирер, Г. Риккерт); в фундаментальные культурно-типологические исследования (О. Шпенглер, А. Тойнби).

Захватченность символами входит в моду в тех самых областях человеческих интересов, где век эмпиризма не произвел никакой революции. Увлеченность символами, показывает С. Лангер, не происходит непосредственно из какого-нибудь канона науки. Она выливается, по крайней мере, в два особых и, по-видимому, несовместимых течения. Однако каждое течение — это река жизни в своей собственной сфере, каждая приносит свои собственные плоды. «Одна концепция символизма ведет к логике и сталкивается с новыми проблемами в теории познания и таким образом на столетия инспирирует определенные науки и поиски. Другая ведет нас в противоположном направлении — к психиатрии, изучению эмоций, религии, фантазии, ко всему, кроме познания. Однако в обоих случаях мы имеем одну центральную тему: *человеческую реакцию* как нечто конструктивное, а не пассивное. Эпистемологи

и психологи согласны, что символизация является ключом к такому конструктивному процессу. При этом одни изучают структуру науки, другие — структуру снов¹⁰.

Мы живем в мозаичном мире культуры. В нем нет стройного продвижения от вещи к вещи, мысли к мысли, картины — к картине. Современная культура — грандиозная нарезка сюжетов, видений, образов. Вероятно поэтому традиционное обучение, которое опирается на линейное мышление, не всегда продуктивно. Поэтому обучение через символы может оказаться более плодотворным при разработке проблем понимания.

¹ См.: Вирилио П. Информационная бомба : Стратегия обмана. М., 2002.

² Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 101.

³ См.: Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 568.

⁴ Бибахин В. В. Язык философии. М., 2002. С. 28–29.

⁵ Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 40.

⁶ Кассирер Э. Философия символических форм : Введение и постановка проблемы // Культурология. XX век. М., 1997. С. 168.

⁷ См.: Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии. Ереван, 1980.

⁸ Якобсон Р. В поисках сущности языка // Семиотика. М., 1983. С. 104.

⁹ См.: Иванов Н. В. Проблемные аспекты языкового символизма (опыт теоретического рассмотрения). М., 2002.

¹⁰ См.: Лангер С. Философия в новом ключе. М., 2000. С. 27.